

Материальные артефакты: предметы, вещи, девайсы

В статье предпринята попытка философско-культурологического осмысления таких понятий, как «предмет», «вещь», «девайс». Авторы рассматривают предметный мир человека через понятие материального артефакта, который, в свою очередь, может быть представлен в виде предмета, девайса или вещи. Утверждается, что артефакты-девайсы унифицируют предметный мир человека, а его самого замыкают в Мире-Поставе. Артефакты-вещи делают возможным сохранение уникальности мира, открывают человеку многослойность культуры, приобщая его к смыслам прошлого, востребованного настоящим, соединенного с ним и открытого в будущее.

Ключевые слова: предмет; вещь; девайс; материальный артефакт; память культуры; пред-стояние; мир-постав.

Осмысление вещественного мира человека предполагает обращение к предметам, созданным людьми (материальным артефактам) как к субстрату культуры. Человек создает вокруг себя огромное количество материальных предметов, выстраивая свой «над-природный» мир, делая его с течением времени всё сложнее и сложнее.

Каждый материальный предмет (материальный артефакт) создан с какой-то целью, по усмотрению и мерке человека, несет его след. Он изначально «помечен» человеческим отношением, потребностью, замыслом, умением. Он всегда «для чего-то», и само его существование зависит от целей, создавшего его человека. «Артефакты... обязательно имеют собственные функции, специально заложенные в них существами с убеждениями, желаниями и намерениями» [2, с. 21]. Не имея собственной логики, материальные предметы сподручны человеку, включены в круг его значений, а человек в данном контексте выступает «мерой всех вещей», субъектом. Именно из таких артефактов-предметов человек создает свой наличный мир. Создание предметов ремесленником М. Хайдеггер обозначает термином «произведение», что предполагает выведение предметов из природного мира в область налично сущего. В данном случае предмет будет определяться и природным основанием (веществом, материалом), и человеческим замыслом – целью, ради которой создается предмет. Так, различный состав красных глин, залегающих повсеместно на Урале, определяет способ обработки при создании керамических изделий от использования гончарного круга (Таволожская керамика) до жгутового (кругового) налеха (окрестности Богдановича). Климат оренбургских степей, местная порода коз, пух которых позволяет спрясть тончайшую нить, дают рождение оренбургскому пуховому платку, что в других условиях невозможно. И таких примеров можно привести немало.

Получается, что материальный артефакт – и «произведение» (вызволнение из среды потаенности, перенос в сферу непотаенности, обнаружение истины вещи), и «сподручный предмет», создаваемый по замыслу человека, служащий ему, превращающийся в средство. Эта двойственность служит как базисом формирования Мира-Поставы, так и возможностью выхода в пред-стояние, открытости бытию в терминологии М. Хайдеггера.

* Людмила Анатольевна Мясникова, д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры социально-культурного сервиса и туризма АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

** Ольга Владимировна Крутева, кандидат культурологии, Галерея декоративно-прикладного искусства «АРТ-птица» (г. Екатеринбург).

Материальный артефакт как «сподручный предмет» является также носителем социальной информации, так как на полезность всегда наслаиваются «ценностные смыслы». И в этом случае материальный предмет будет нести в себе образ эпохи, национальной принадлежности, определенной культуры... Предметный мир становится коммуникационной системой, передающей информацию о своем творце – человеке, о том месте и времени, где создавался предмет и где жил его создатель. И в данном случае в артефакте вновь раскрывается его неподручность, его вещьность.

Вещь, помимо своей функциональности, обладает особой, «вещающей» сущностью, содержит в себе некие символические значения. Именно этот символизм и делает вещь текстом, который является важным механизмом памяти культуры, ведь «символы переносят тексты, сюжетные схемы и другие семиотические образования из одного ее пласта в другой» [4, с. 170].

Вещь не просто создана «для чего-то», она всегда «чья-то» и еще «особая». Она не просто принадлежит определенному хронотопу, она маркер, репрезентант культуры. И в этом случае артефакты-вещи начинают говорить не только о своем функциональном назначении или о технологии изготовления, они «вещают» о своей самости, о корнях, истории, о людях, их создавших, о своей уникальности, о том непознанном остатке, «не постижимом по существу» [5], который остается вне власти человека. О том, что «не схвачено», не приручено мыслью и действием людей, – о полноте бытия, о том, что может открыться непредвиденным образом, о горизонте пред-стояния. Поэтому М. Эпштейн говорит, что предмет в результате духовного освоения начинает превращаться в вещь, и через это (духовное) освоение человек выходит из сферы сподручного, в сферу пред-стояния, в сферу открытости.

Через отношения с вещами («Я» – «не Я») человек не только опредмечивает себя в мире. «Не Я» воздействует на человека в качестве вещей, имеющих собственное основание, вещи заставляют человека считаться с собой. Артефакты-вещи обладают собственной логикой, которую являют человеку, а тот, в свою очередь, взаимодействуя с вещами, обнаруживает их противостояние, неподчинение, но может также вступать с ними в диалог, соединять свою логику и самостоятельную логику вещи.

Так, в традиционной народной (крестьянской) культуре можно наблюдать особое отношение и к одежде, и к предметам быта, и к устройению жилища. Например, при строительстве дома «под нижние венцы сруба закладывали... голову коня» [9, с. 7], а на стены и потолок наносили охранительную символику, под «передний угол закладывали монеты и шерсть» [8, с. 58], словно пытаясь «договориться» с домом о благополучной жизни. Проявлялось это и в отношении к бытовым предметам: у каждого свое, строго определенное место, деление вещей на мужские и женские, отношение к ним, как к одушевленным предметам (в данном случае те же росписи служили «оживлению» вещи, введению ее в мир людей) и т. д. Одежда выполняла не только свои основные функции, «с ее помощью выражали нравственные категории, передавали человеческие пожелания и чувства» [8, с. 71], использовали в обрядах (например, дарение одежды на свадьбе). «Носи не теряй, по полям гуляй, меня не забывай», «Кого люблю, тому дарю», «Люблю сердечно, дарю навечно» – такие надписи мы встречаем не только на вышитых поясах, но и на утвари: прялках, бураках и других предметах крестьянского быта.

Иногда логику самости вещей крайне трудно вскрыть. Жанр фэнтези именно на этом и спекулирует, когда вещи заставляют людей действовать по их логике, а не по желанию и хотению человека. Вспомним хотя бы роман «Властелин колец» Джона Толкиена или нашего П. П. Бажова и его «Малахитовую шкатулку»: «...а тут вдруг теплом ее опажнуло. Что за штука? Откуда? Огляделась, а из-под полу

свет. Танюшка испугалась – не пожар ли? Заглянула в голбец, там в одном уголке свет. Схватила ведро, плеснуть хотела – только ведь огня-то нет и дымом не пахнет. Покопалась в том месте, видит – шкатулка. Открыла, а камни-то ровно еще краше стали. Так и горят разными огоньками, и светло при них как при солнышке» [1, с. 36]. И сподручными эти вещи становятся лишь для Танюшки, а не для кого-то другого. «Паротина жена... подбежала к зеркалу и первым делом наголовник пристроила. “Ой, ой, что такое!” Терпенья нет – крутит и дерет волосы-то. Еле выпростала. А нейметя. Серьги надела – чуть мочки не разорвала. Палец в перстень сунула – заковало, еле с мылом стащила. Муж посмеивается: не таким, видно, носить!» [1, с. 49–50].

Именно в ручном производстве, в ремесле «техне» и «поэсис» соединились воедино. Артефакт как «произведение» несет и смысл «самости» вещи, и смысл духовного (поэтического) ее бытия, предполагающего овладение вещью как своим предметом. Вступая в диалог с артефактом, человек сам выходит в сферу поэсиса, соприкасается с «красотой как истиной», красота произведения заставляет человека считаться с собой, позволяет оберегать себя. Наглядным примером служит история Каслинского чугунного павильона, который за свое более чем столетнее существование пережил и триумф, и забвение, и новое рождение. Получивший высочайшую оценку на Всемирной выставке, павильон мог быть продан президенту Франции Эмилю Лубе за невероятную по тем временам сумму (два миллиона рублей). Однако сделка не состоялась, а демонтированный павильон, вернувшись в Россию, был на какое-то время забыт. Более того, в 1921 году, при нехватке металла для нужд молодой Советской республики, он чуть не был переплавлен. Павильон спасли рабочие, сначала частично спрятав детали его конструкции, а потом и написав письмо уездному начальству с просьбой сохранить каслинское чудо.

Предметный мир человека постоянно усложняется. Современность, с ее промышленным производством и унификацией, порождает новые, более сложные предметы – технические артефакты, или «девайсы» (от *англ.* device – устройство), – механизмы, технические устройства, электронные приборы, гаджеты и т. д., которые играют всё большую роль в современной жизни.

Технические артефакты, техника также понимаются М. Хайдеггером как «раскрытие потаенности», но «царящее в современной технике раскрытие потаенности есть производство» [6, с. 226]. Немецкий мыслитель подчеркивает: «Техническое раскрытие потаенного раскрывает перед самим собой свои собственные, сложно переплетенные процессы тем, что управляет ими» [6, с. 227]. Создаваемый технический предмет – машина «совершенно несамостоятельна; она держится только тем, что поставлена на предоставление поставляемого ею» [Там же]. Иначе говоря, она включена как звено в логику процесса производства. Человек также вовлечен в этот процесс как производительная сила, как «человеческий материал», человек «захвачен» процессом производства.

Техническое производство – «существо современной техники являет себя в том, что мы называем по-ставом» [6, с. 231]. «По-став» по своей сути и есть техническое выведение артефакта из потаенности в непотаенность налично существующего мира человека. Человек, усиливая себя как субъекта с помощью техники, создает Мир-Постав и попадает в него как в клетку, начинает определяться им, его логикой.

Еще в большей мере замечания М. Хайдеггера относятся к современной технике, к девайсам-гаджетам. Несмотря на то что их функции, казалось бы, зависят от замысла изготовителя, артефакты-девайсы не подчинены человеку, неподручны ему. Действуя в соответствии со своей техно-логикой, девайсы подчиняют людей, включают в техногенные урбанизированные «джунгли», погружая в мир

интернет-пространства, в мир симулякров. «Девайс включен в многоуровневую логику техногенного, урбанизированного социума, озабоченного тем, чтобы оптимизировать в своей среде человеческого индивида» [3, с. 287].

Человеческий мир, наполненный такими предметами-девайсами, стремительно унифицируется. Стираются культурные различия как отдельных регионов, так и целых стран. Человека окружают одинаковые пространства аэропортов, вокзалов, торговых центров, гостиниц, квартир... Погруженный в такую стандартизированную среду, он утрачивает свое культурное основание, свою идентичность, становясь заложником «Мира-Постава», всё более отдаляясь от себя, своей самости. Живя в созданном девайсами мире-симулякре, он становится техногенным «гибридом», не способным выйти в сферу открытости бытию.

«Вещь в функции “девайса” – дикая, она живет по своей собственной “чипованной” или внешней логике. Она обитает в джунглях (*jungla urbanus*) таких же, как и она, технологических конгломератов, несущих в себе собственную норму рациональности», – справедливо подчеркивает В. Н. Железняк [3, с. 287]. Будучи, вроде бы, рабом человека, его сподручным средством, фактически «вещь-девайс втягивает охотящегося на нее человека в систему своей функциональности, в конце концов – в систему мирового органайзера» [Там же].

Существует ли выход из этой ситуации? Возможно ли преодоление разрастания мира девайсов? В. Н. Железняк считает, что необходимо либо каким-то образом создать симбиоз городской и рустической среды, соединить городскую и рустическую экзистенцию, либо выйти за границу дилеммы город – село. Он утверждает, что «вещь в функции девайса может быть приручена, изъята из технологических джунглей... лишена свободы... поставлена на службу человеческому автономному единству, совершенно чуждому сумме технологий и заключенной в ней логике» [3, с. 288]. Такая «прирученная вещь» будет служить хозяину, а не хозяин вещи-девайсу. Для этого девайсы надо убрать из их естественной среды (из «городских джунглей»), поместить в место предстояния. Это место, полагает В. Н. Железняк, «возможно только за пределами города» [3, с. 288]. При этом девайсы можно приручить, если сделать их техническими службами по типу элементов сельской инфраструктуры (как птичник, оранжерея...). Данное утверждение представляется нам утопическим, ведь при этом возникает угроза разрастания техногенных городских джунглей и Мира-Постава за пределами города. Однако если попробовать «соединить» артефакты-девайсы и артефакты-вещи, поместить их в совместное пространство, вступив в диалог, то, быть может, тогда и станет возможен выход в предстоящее?

Ответ на этот, далеко не риторический, вопрос нам видится в обращении к артефактам, созданным не промышленным массовым производством, а руками мастера, то есть к про-изведениям. Это могут быть и изделия народных художественных промыслов, и работы ремесленников с применением различных современных технологий, несущие выраженное авторство и включенные в традицию, соединившие труд мастера с его самостью, автора – с культурой народа. Поместив такие вещи в интерьер загородного дома или номера гостиницы, нанеся народный орнамент (пусть и способом компьютерной печати) на платок, украсив росписью панель смартфона или фарфоровую посуду, соединив тем самым традиционное народное творчество и современность, можно попытаться установить диалог с вещью, приручить «дикую вещь». «Соединить» – не значит «заменить». Традиционные художественные промыслы создают вещи, несущие в себе полноту смыслов прошлого, востребованного настоящим и соединенного с ним, и открытого в будущее. Они не сподручны, так как за поверхностным современным смыслом содержат толщу, многослойность культуры, истории, множество неявленных, сокрытых смыслов, которые могут выйти наружу и трансформировать традицион-

ные предметы во что-то новое, сделать их современными. Современное, в свою очередь соединяясь с традиционным, через последнее обретает смысловую глубину. Предмет предстает как вещь, но не как девайс. Человеческая логика вступает в диалог с логикой вещи, не подчиняясь ей, но «беседуя» на равных и, быть может, в этом диалоге разомкнется «Мир-постав», открыв место нашей самобытности, непохожести на других.

Литература

1. Бажов П. П. Медной горы Хозяйка: уральские сказы. – М. : Детская литература, 2013. – 221 с.: ил.
2. Бейкер Л. Онтологическая значимость артефактов. Онтология артефактов: взаимодействие «естественных» и «искусственных» компонентов жизненного мира / под ред. О. Е. Столяровой. – М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2012. – 456 с.
3. Железняк В. Н. Урбанистическая и рустическая экзистенция // Уральская философская школа: 50 лет – 50 имен : научные статьи : библиография / редкол. Л. М. Андрюхина и др. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ин-та упр. фил. РАНХиГС, 2016. – С. 284–293.
4. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. – СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2016. – 448 с.
5. Франк С. Л. Непостижимое // Азбука веры : портал. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Semen_Frank/nepostizhimoe/1_2 (дата обращения: 10.11.2020).
6. Хайдеггер М. Вопрос о технике. Время и бытие. Статьи и выступления. – М. : Республика, 1993. – С. 221–238.
7. Хайдеггер М. Вопрос о технике (Продолжение) // Электронная библиотека Одиноцкого благочиния. – URL: http://www.odinblago.ru/filosofiya/haydegger/vopros_o_tekhnike0/vopros02/ (дата обращения: 10.11.2020).
8. Чагин Г. Н. Народы и культуры Урала в XIX–XX вв. – Екатеринбург : Сократ, 2002. – 296 с.
9. Чекалов А. К. Народная деревянная скульптура Русского Севера. – М. : Искусство, 1974. – 318 с.

Lyudmila Anatol'evna Myasnikova,

Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Professor at Tourism and Hospitality chair, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg)

Olga Vladimirovna Kruteyeva,

Cand. Sci. (Cultural Studies), Decorative and Applied Art Gallery ART-bird (Yekaterinburg, Russia)

Material Artifacts: Items, Things, Devices

The article attempts to understand such concepts as object, thing, a device from the perspective of philosophy and culture. The authors consider the object world of a person through the notion of a material artifact, which, in turn, can be represented as an object, device, or thing. They argue that artifacts – devices unify the object world of a person, and capture him in the world of Gestell. Artifacts-things make it possible to preserve the uniqueness of the world, open up a multi-layered culture to a person, introducing the meanings of the past to him, the past demanded by the present, connected with it and open into the future.

Keywords: item; thing; device; material artifact; culture memory; deisis; the world of Gestell.